

Поют пилы в Филимонове

Первым загорелся дом Шишовых. Сам-то Георгий Иванович — колхозный плотник и мастер по деревянной резьбе, в ту пору ладил новые завесы в свинарнике, а Мария Ильинична с дочкой Тамарой сажали на огороде картошку. Только остановились — спину распрямить да парой словечек с соседкой через изгородь перебраться, как Тамара в крик:

— Мама, горим!

Оглянулась мать — и верно: полыхает двор, без дыма, без копоти, а саженной свечой. Ноги у Марки Ильиничны подкосились, а тут уж бегут мужчины какие-то, стёкла бьют, вещи выкидывают...

Огненные галки летели за четыреста метров через сады и огороды в старое село.

Уже стояли в дыму и пламени три пожарные машины и били в огонь и на крыши уцелевших долгов упругие струи воды. Первая мысль была у Гордеева: что делать, куда встать? Брался за всё: подавал вёдра по цепи, чтоб замочить те крыши, куда не хватало пожарных шлангов. Лез в окна чужих домов, выводя оттуда детей и стариков.

И вдруг вздрогнул от мысли: «А как мать?» Спросил на бегу у девчонок: «Маму вытащили?» — «Вытащили».

Пробегая двор тётки Никульчихи, увидел: лежит мать на перине в саду, на той самой перине, к которой привязала её хворь вот уже сколько лет! Тут же узнал: дочка Галка в правлении колхоза сидит, отвёл её туда одноногий счетовод Василий Михайлович Панин. И тут же ворохнулась тревожная мысль о Лиде. Перед самым праздником, Днём Победы, отвёз её в родильный. А в праздник — пожар. Вечером узнал: родила девочку. Побежать бы поздравить, порадоваться. А как скажешь, что всё сгорело?

Председатель тоже говорил: «Не ездь, а то догадается — нервы не выдержат — пропадёт человек. Не оставь колхоз без главного агронома!» Да разве удержишь её, правду-то, горькая она или сладкая... Проболтался кто-то и ещё хуже Лиде: а мои не сгорели? И теперь уже председатель — даром что молодой, а понимающий и догадливый, — велел ехать, да чтоб с дочкой, да побыстрее. Увидела Лидия Николаевна родных своих, всплакнула, но успокоилась: целы, невредимы. А дочка, в тапочках мягких, суконных, домашних: «Вот и всё, мама, у меня, а ботиночек нету...»

На другой после пожара день мы приехали в Филимоново с секретарём горкома партии Иваном Кузьмичом Пятовым. В полутёмной комнате, уронив голову на сжатые добела кулаки, сидел председатель Сергеев. Рядом молчали члены правления. В окно тянуло горькими запахами пожарища и слышался негромкий разговор:

— Вот беда! Это надо же: тётки Анны самая плохая хата на порядке была, единственная под соломой, — так её отстояли. А что попало — вот то были дома! Все обшиты тёсом, у Кучина Вадима, экономиста, под железом, у других дранкой крытые, все на каменных столбах, с верандами стеклянными, с клетями и сараями, во дворе цементированные дорожки, в хлевах полно всякой живности — и овцы, и свиньи, и птица. Из всего только коровы и уцелели — паслись на лугу. Шишovy — Георгий Иванович с Марией Ильиничной — только летошний год отстроились, старый двор свой весь перебрали, подновили, резные наличники поделали, а верх весёлым коньком увенчали...

— Чем вам помочь? — спросил председателя Пятов.

— Два трактора дайте, — подняв голову, ответил Сергеев. — Гусеничных. И мы завершим посевную.

Олег Дмитриевич Сергеев думал по худшему варианту, он приготовился ко всему. Может, придётся клуб закрыть, может, из яслей разберут ребятишек — надо же где-то найти крышу погорельцам. Тракторы... Где их взять? Всем тракторы нужны — посевная... Тогда как же? Может, отказаться от некоторых работ? Отнести, к примеру, на год залужение поймы? Или оттянуть обработку пара?

Но сокращать ничего не пришлось...

Во второй раз я приехал в Филимоново в июне. По улице носился тонкий запах сирени. Следы пожарища затянула зелень травы и кустов, закрыли штабеля свежеструганой вагонки, деревянных щитов и столбики красного кирпича.

Мы сидели с Георгием Шишовым и Валентином Гордеевым на застеклённой веранде дома Валерия Шишова. Самого Валерия уже не было — уехал, как обычно, на молокозавод. Говорили о пасмурном июне, о том, что сено плохо сохнет.

Узнал я от моих друзей, что тогда, в мае, на третий день после беды, первым подался в поле однофамилец Георгия — Василий Шишов. А за ним — Валентин Гордеев — поволок своим трактором сеялку в Лучинское на Куташево поле. К тому времени устроились и люди. Григорий Шишов вселился к сыну в дом. У Валентина Гордеева родни в селе почитай что нет. Так ему Николай, депутат сельский, сын Веры Игнатовой, сказал:

— Идите к маме в дом. Живите. Она в Архангельске, у сестрёнки... Всем места хватит. Все расселитесь.

А тем временем в райисполкоме в кабинете председателя Василия Максимовича Сулова совещались все заведующие отделами. Решали вопрос о лесе на дома. «Просить область будем?» — спросил кто-то.

— Не требуется, — ответил Василий Максимович. — Теперь эти дела можем решать самостоятельно.

Решили выделить пострадавшим от пожара гражданам строевого леса каждому по 40 кубометров без попённой оплаты. А эти сорок кубометров как раз и есть новый дом.

Гусеничными тракторами район поделился с филимоновцами. Всю посевную ходили по полям прикомандированные «ДТ» — один из Берендеевского, другой — из Ивановского торфопредприятий.

Всем уже и страховку выдали. И определили, кому дать поросёнка, кому ягнёнка, чтобы возместить потери. Теперь можно подумать и о плотниках. У колхоза силы немалые, да только много прорех ещё латать и в артельном хозяйстве. Ну да ничего. У колхоза сил не хватит — район поможет. А району не смочь — область пособит. Здесь резервы пошире. А государство и не такую беду от людей отводило.

Прервала наш разговор Мария Ильинична.

— Чего, мужики, расселись? — сказала она строго. — Там, гляди, кирпич привезли, а тут чай распиваете.

Возле чёрных вязов стояли три машины. Со всех концов села к ним спешили люди. Привычно вытянулись цепочками, и тут же замелькали в руках кирпичи. Только успевай принимать и передавать соседу шершавые, тёплые ещё (чуть ли не прямо из печи брали на заводе), увесистые бруски. Крайние в цепи укладывали их аккуратными штабелями. Разгрузили одни, подъехали другие машины. После работы присели на завалинку, подышали вечерней прохладой. О пожаре вспоминали как о чём-то далёком, почти историческом.

— Нынче что! — говорил Георгий Шишов. — А вот бабушка наша, Капитолина Григорьевна, горела — худо ей было. Кому ещё до мужика было дело? А у своих тоже взять нечего... Раньше в таком разе брал мужик телегу или сани, обжигал оглобли — чтоб все видели, что погорелец, — и отправлялся по сёлам и городам милостыню собирать. По шесть, по десять лет вновь-то подымались! А если не подняться было — уходили внаймы кто куда...

— Да, было, — покачал головой Георгий Иванович. Он выпрямился, развернул плечи и, подняв, как саблю, указательный палец, заговорил строгим командирским голодом:

— А мы, Шишovy, нигде не пропадём. Мы — плотники. Клуб видел? А ясли? То-то. Это мы — своими руками. Приезжай через месяц — в новом доме встречать буду. Понял? Это я сказал — Шишов.

И все подтвердили: будет Георгий Шишов в новом доме. И все будут — не может быть никакого сомнения.

По улице, по зелёной траве-мураве носились со смехом ребятишки. Вот Галинка Гордеева в новых туфельках. Кто-то принёс в подарок. Валентин и не знает кто, не спросил, некогда было. Всем всего нанесли соседи — и посуду, и бельё, и стулья. Сельмаг, конечно, развернулся,

завёз кое-что, но, во-первых, и в магазин-то забежать некому, да и траты предстоят более необходимые...

Подошёл председатель. Сейчас он совсем не тот, что тогда, месяц назад. Подтянут, подвижен. Даже очки блестят как-то по-особому весело. Самое главное, посевную не опустили. А дома, можно сказать, в кармане. Область дала сборные домики, район — шифер и кирпич, сам у друзей цементу расстарался. Плотники свои есть, каменщики тоже. Боялся, вывезти материалы некому будет. Машин мало, одни под семенами заняты, другие горячее возят. Но гляди-ка, и тут управились. Кирпич завезли, щиты для домов тоже. А ведь это не шутка: один дом перевезти — восемь машин надо. Это же восемь шофёров и восемь грузчиков — почитай, на целый день. И вот со всем управились.

Перед отъездом я заглянул в правление. Прохладные крашенные полы. Стол с лакированной крышкой. Шкаф для книг. На стене — план будущего Филимонова. Пруды, парк, дороги. Дом культуры, новые магазины, двухквартирные дома для специалистов — как раз возле пруда, тотчас за бывшим теперь уже пожарищем. У меня перед глазами всё стоял Георгий Шишов, плотник, бывший сапёр, и я слышал его строгий хриловатый голос: «Я сказал — так и будет! Мы жили и жить будем...»

И вот октябрь. За чёрными от дождя стволами елей и сосен вспыхнули и отгорели рыжие и трепетные огоньки осин и берёз. Я иду по знакомой и совсем незнакомой улице. Георгий Шишов встречает меня на пороге своего нового дома. Поднимаюсь по крутым ступенькам. Ещё не убрана с полу стружка, пахнет свежим деревом и масляной краской. Георгий Иванович показывает хлев, сеновал, подклеть, где уже белеют в полутьме новенькие кадушки под огурцы и капусту. В глазах его весёлый вопрос: «Ну что? Ну как? Что я говорил?»

Всё верно говорил ты, Георгий Иванович. Быстро поднялось Филимоново. Крепко в нём, в колхозном селе, доброе товарищество, непобедимый коллективизм. Ну и государство, конечно, немало помогло. Тысячи по две с половиной на двор пришлось, — если считать цену телят да поросят, да по сорока кубов лесу «без попённой оплаты», да перевозку домов и материалов, да труд плотников.

Вспомнились слова товарищей из района:

— И что самое главное — поднять деревню удалось без ущерба колхозному делу. Все работы колхоз выполнил успешно. Хлеб собран, корма заготовлены, скот на зиму поставлен. И помощь колхозу никого не обделила, ни у кого урывать не пришлось.

Я перехожу через улицу — к Валентину Гордееву. Его щитовой дом уже собран, плотники принялись за сарай. У его соседа — Андрея Шишова (брата Георгия) уже и мебель новая, полированная в комнаты занесена. Всюду оживлённая и хлопотливая суета строительства. Четыре бригады съехались сюда из разных ближайших — своих же, колхозных — деревень. Больше всего филипповских, больших мастеров ладить дома. Вот они — кто на конёк взобрался, кто в избе молотком постукивает — Шипины, Папины, Фроловы, Тюкановы. Уже стоят дома Новожилова и Вадима Кучина, экономиста. Уже высоко вознеслись шиферные крыши других домов, украшенных резными подзорами и хитро сплетёнными витражами просторных сеней. Только Андрей Шишов свой дом поставил сам — тряхнул стариной. Помогали ему сыновья — приезжали из города, да печник колхозный — Иван Фёдорович Папин, который за лето семь печей сложил и при мне восьмью «домазывал».

Далеко окрест в студёном, звонком воздухе разносилось пение пил да перестук топоров. Весёлое пение, бодрый перестук.

Евг. Байкалов